

И. Скалицуни

Христианство и французская
революция

Опубликовано:
Христианское чтение. 1889. № 1-2. С. 66-94.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Христианство и французская революція ¹⁾.

I.

Въ непродолжительномъ времени Франція предполагаетъ праздновать столѣтіе великой французской революціи, въ память которой въ Парижѣ устраивается всемірная выставка.

Мнѣнія относительно этой революціи крайне разнорѣчивы. Въ то время, какъ одни говорятъ о ней съ восторженнымъ энтузіазмомъ и заявляютъ себя ея горячими приверженцами, другіе строго осуждаютъ ее, не находя въ ней ничего хорошаго, что могло бы, хоть отчасти, примирить мысль съ сопровождавшимъ эту революцію зломъ. И тѣ, и другіе, каждый на свой ладъ, мотивируютъ свои мнѣнія. Сторонники французской революціи полагаютъ, что именно съ ея эпохи началась для Европы новая общественная и политическая жизнь, построенная на началахъ свободы личности, равенства всѣхъ сословій и международного, общечеловѣческаго братства. Поэтому, относясь крайне снисходительно къ ошибкамъ, крайностямъ и темнымъ дѣламъ, омрачившимъ блескъ реформаціоннаго періода Франція, защитники революціи видятъ въ плачевныхъ уклоненіяхъ послѣдней отъ ея предполагаемаго назначенія только неизбежный результатъ насильственного преобразованія соціальной жизни и обусловленнаго имъ, чрезмѣрнаго возбужденія на родныхъ страстей. Съ своей стороны, противники революціи утверждаютъ, что, вслѣдъ за церковною реформою на западѣ, въ протестантскихъ странахъ восторжествовалъ духъ евангельскаго ученія,

¹⁾ Изъ греческаго журнала «*Ἀνάκλασις*». Сочиненіе I. Скалцуни, переводъ Л. Н. Денисова.

и что въ Америкѣ, въ Англіи и Голландіи принципы свободы, равенства и братства въ значительной мѣрѣ проникли въ жизнь и стали примѣняться на практикѣ еще съ начала XVIII столѣтія. Сообразно этому, противники французской революціи признають, что она была совершенно излишня для осуществленія соціальной реформы, и безъ того уже начавшейся мирнымъ путемъ, и безпощадно осуждаютъ ее за то, что она, напрасно ослабивши и пошатнувши религіозныя убѣжденія цивилизованнаго міра, въ корнѣ подорвала всѣ основы, на которыхъ покоилась общественная жизнь Европы, и, при этомъ, запятнала себя цѣлымъ рядомъ звѣрскихъ злодѣйствъ и возмутительныхъ преступленій, легшихъ тяжкимъ позоромъ на все человѣчество.

Мы не намѣрены дѣлаться судьями въ этомъ спорѣ разнорѣчивыхъ мнѣній о французской революціи. Задача настоящей замѣтки гораздо уже и ограниченнѣе: мы хотимъ только освѣтить и выяснить одну историческую истину, основываясь исключительно на фактахъ, относительно которыхъ существуетъ полное единогласіе даже во мнѣніяхъ противниковъ по вопросу о культурномъ значеніи этой революціи.

Въ процессѣ развитія французской революціи замѣчаются два, рѣзко отдѣляющіеся одинъ отъ другого, фазиса. Въ первомъ, продолжавшемся съ 1789 по 1791 годъ, руководителями революціи были лица глубоко религіозныя, при которыхъ ни разу не возникало никакихъ коллизій между домогательствами революціоннаго движенія и христіанствомъ. Напротивъ того, во второмъ своемъ фазисѣ, начавшемся въ 1792 году и длившемся вплоть до 1799 года, французская демократія, объявивши себя врагомъ христіанства и, вообще, какой бы то ни было религіозной идеи, подняла открытое преслѣдованіе противъ всего, хоть отдаленно связаннаго съ понятіемъ о Богѣ, и задалась цѣлью провести въ жизнь, въ организацію и управленіе страны принципы атеизма и матеріалистической доктрины:

Изученіе событій, сопровождавшихъ указанные два періода французской революціи, даетъ намъ возможность установить слѣдующую, стоящую внѣ всякаго сомнѣнія, историческую истину:

Революція эта совершила свое великое соціальное назначеніе, установила, созданныя ею, спасительные общественные институты и направила французскій народъ на путь прогресса и усовершенствованія—въ теченіе своего перваго фазиса, когда стоявшія во главѣ ея, законодательныя и административныя учрежденія были проникнуты истиннымъ духомъ христіанства и глубокимъ уваженіемъ къ религіозной идеѣ. Но съ того момента, когда руководители великаго соціального движенія ополчились противъ христіанства и насильственно навязали французскому народу скептицизмъ невѣрія, — съ этого момента, французская революція сбилась съ своего прямого пути на скользкій путь беззаконія и соціальныхъ злодѣяній, благодаря которымъ Франціи угрожала роковая опасность полного разрушенія и гибели.

Въ серединѣ XVIII столѣтія, Вольтеръ и Руссо, признавая догматы о существованіи Бога и безсмертіи души, какъ научно-философскія истины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергая откровеніе, успѣли довольно глубоко подкопаться подъ основы положительной религіи и значительно пошатнули религіозныя убѣжденія европейской аристократіи. Но самый народъ, какъ повсюду, такъ и во Франціи, почти вовсе не былъ затронутъ философскими теоріями деистовъ. Когда, въ 1789 году, вспыхнула революція, во имя свободы, равенства и уничтоженія привилегій, то французскій народъ съ горячимъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ первые шаги долгожданной реформы. Замѣчательно, при этомъ, то поразительное единодушіе, которое обнаружилось, въ дѣлѣ осуществленія столь кореннаго переворота, среди всего населенія, какъ столичнаго, такъ и провинціальнаго. Даже аристократы и высшее духовенство, которые, въ сущности, одни теряли — и теряли очень много — вслѣдствіе отбѣны привилегій, — даже и тѣ, частью охваченные общимъ энтузіазмомъ, частью убѣдившись въ безцѣльности дальнѣйшаго сопротивленія, добровольно и вполне искренно содѣйствовали революціонерамъ, въ реализаціи ихъ требованій, и сами первыми давали голоса въ пользу отбѣны своихъ собственныхъ привилегій. Въ ночь 4 августа 1789 года, представители аристократіи и духовенства, собравшись въ засѣданіе, вмѣстѣ съ депутатами

отъ прочихъ сословій, единогласнымъ рѣшеніемъ постановили отмѣнить всѣ, существовавшія раньше во Франціи, личныя повинности, церковную десятину (спеціальный налогъ въ пользу клира) и институтъ крѣпостной зависимости, во всѣхъ ея формахъ; при этомъ, конвентъ объявлялъ, что отнынѣ всякое принципиальное различіе между общественными классами и сословіями уничтожается навсегда; что впредь всѣ граждане должны быть равны передъ закономъ, и что каждому французскому гражданину, въ принципѣ, одинаково принадлежитъ право занимать всякій государственный постъ въ странѣ, какъ гражданскій, такъ равно и военный.

Эта славная ночь 4 августа, въ которую такъ легко совершился коренной переворотъ во всемъ социальномъ и политическомъ строѣ Франціи, закончилась единодушнымъ постановленіемъ конвента объ изданіи декрета, коимъ французскому народу предлагалось вознести Всевышнему благодарственную молитву за осуществившуюся реформу.

Такимъ образомъ, прежнія привилегіи клира были уничтожены, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и само общественное положеніе духовенства во Франціи существенно измѣнилось. Хотя же перемѣна эта и противорѣчила въ основѣ матеріальнымъ выгодамъ и интересамъ епископовъ и вообще духовныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе, она была вполне согласна съ началами христіанскаго вѣроученія, и церковь ничего не могла возразить противъ нея, такъ какъ всякій протестъ со стороны высшихъ клириковъ неминуемо разбился бы объ энтузіазмъ и чувства, обнаруженныя низшимъ духовенствомъ, которое совершенно искренно и добровольно приняло совершившійся переворотъ, усматривая въ немъ ни что иное, какъ лишь прижъненіе христіанскихъ началъ къ организаціи общественнаго строя Франціи.

И, дѣйствительно, такими именно представлялись, по своему характеру и сущности, тѣ принципы, которые были провозглашены революціею, въ самомъ ея началѣ, и, затѣмъ, получивши практическую санкцію въ достопамятную ночь 4 августа, неизмѣнно царили во Франціи, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ реформаціоннаго періода. Христіанство само возстаетъ противъ закона теократіи и

насилія и само предложило, вмѣсто него, другой законъ, вполне божественный и духовный, принятіе котораго представляется исключительно свободному усмотрѣнію непринужденной совѣсти, — „законъ совершенный, законъ свободы“ (Посл. Іакова, I, 25). Столь же идеально формулированъ и принципъ соціального равенства самимъ Іисусомъ Христомъ, сказавшимъ своимъ ученикамъ: „Вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою“ (Матѳ. XX, 25, 26). Такъ сказалъ Назаретянинъ и самъ первый показалъ чудный примѣръ практическаго исполненія установленной имъ заповѣди. Что же касается ученія о братствѣ, то послѣднее Основатель христіанской вѣры возвелъ на степень небеснаго совершенства, предписавши учрежденію, въ организованномъ Имъ христіанскомъ обществѣ, особыхъ привилегій въ пользу несчастныхъ и страждущихъ и опредѣливши, что все, сдѣланное человекомъ одному изъ меньшихъ братьевъ, будетъ сочтено за сдѣланное самому Царю.

И, пока главари революціи дѣйствовали честно, искренно стремясь къ осуществленію на практикѣ спасительныхъ началъ свободы, равенства и братства, до тѣхъ поръ не возникало ни малѣйшаго повода къ какимъ бы то ни было столкновеніямъ между общественной реформой и религіей. Правда, въ національномъ собраніи, отъ времени до времени, вотировались законы болѣе или менѣе близко касавшіеся церковныхъ дѣлъ, а взрѣдка раздавались отдѣльные голоса, направленные прямо противъ клира; тѣмъ не менѣе, собраніе это, въ теченіе перваго періода революціи, ни разу не запятало себя ни однимъ предложеніемъ, ни однимъ закономъ, которые хоть сколько нибудь противорѣчили бы уваженію къ христіанству и къ принципамъ Христова ученія. Всѣ законы 1790 года, по вѣдомству народнаго просвѣщенія, неизмѣнно удерживали преподаваніе Закона Божія не только въ народныхъ школахъ и гимназіяхъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большой національный праздникъ 14 іюля 1790 года, на который съѣхались въ Парижъ депутаты отъ всѣхъ общинъ и провинцій,

начался молебномъ на Марсовомъ полѣ, въ совершеніи коего участвовало триста священнослужителей. Когда, въ октябрѣ 1790 года, одинъ изъ членовъ конвента, указавши на нѣкоторые санкціонированныя послѣднимъ мѣры, назвалъ ихъ антирелигіозными, тогда Мирабо, возмущенный такою, ни на чемъ неоснованною, клеветой, всталъ съ своего мѣста и энергично протестовалъ противъ несправедливыхъ обвиненій оратора.

„Вамъ осмѣлились бросить въ лицо тяжелый упрекъ“, сказалъ Мирабо, обращаясь къ собранію. „Васъ дерзнули назвать вѣроненавистниками, преслѣдователями религіи. Какая клевета! Вы—нечестивцы и гонители вѣры?! Вы, которые, во всѣхъ наиболѣе важныхъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ вашихъ, всегда выказывали и высказываете такое искреннее, такое возвышенное уваженіе къ церкви; вы, которые добровольно и такъ охотно втирали столь значительные кредиты на содержаніе клира и храмовъ Божіихъ, въ видахъ пристойности и благолѣпія церковнаго культа; вы, распорядившіеся поставить повсюду при дорогахъ, на границахъ общинъ и провинцій, святую эмблему христіанства; вы, наконецъ, глубоко сознающіе, что непоколебимое убѣжденіе въ существованіи Бога служить необходимою основой свободы и общественнаго преуси́янія народовъ, — вы — нечестивцы и гонители вѣры?! Какая ужасная, несправедливая клевета! Но пусть же знаютъ тѣ, кто осмѣливается черпнуть это собраніе такою незаслуженною клеветой, — пусть знаютъ они, что мы смотримъ на евангеліе и на свободу личности, какъ на два главнѣйшіе, неразрывно одинъ съ другимъ связанные, камня того фундамента, на которомъ одною можетъ быть построена прочная, здоровая и совершенная организація государственнаго общежитія!“

Таково было отношеніе революціи къ религіи и церкви, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ реформаціоннаго движенія.

Но прошли эти два года, и положеніе дѣлъ измѣнилось самымъ кореннымъ образомъ. Матеріалисты, атеисты, якобинцы, личности, въ родѣ Марата, Дантона и Робеспьера, и вообще, всѣ темные, зловѣщіе элементы французскаго народа, во главѣ разбойничьей партіи, сильной единственно страстью къ бездѣлю и

наживъ на чужой счетъ, берутъ въ свои нечистыя руки знамя реформы и объявляютъ себя руководителями въ дѣлѣ организаціи демократическаго строя на рациональныхъ началахъ, между тѣмъ какъ единственною ихъ цѣлью и настоящимъ предметомъ ихъ задушевныхъ вождельній могло быть лишь разрушеніе всѣхъ здравыхъ общественныхъ и семейственныхъ институтовъ и подавленіе въ народѣ всякаго честнаго и благороднаго элемента. Естественно, что, при такихъ стремленіяхъ новыхъ вождей революціи, первымъ и необходимѣйшимъ условіемъ успѣха было признано полное уничтоженіе христіанскаго религіознаго культа и умерщвленіе въ сердцахъ народа всѣхъ религіозныхъ чувствъ.

14 декабря 1792 года, депутатъ Жакъ Дюпонъ подалъ первый сигналъ къ преслѣдованію вѣры, предложивши національному собранію вотировать отиѣну для Франціи всѣхъ религій вообще и обязательное прекращеніе внѣшняго церковнаго культа, во всѣхъ его формахъ. „Граждане!“ сказалъ Дюпонъ, „если вы хотите упрочить зданіе демократіи, то вы должны воздвигнуть новые алтари, новые жертвенники. Природа и разумъ—вотъ истинные боги человечества, вотъ боги, которымъ поклоняюсь я. Поспѣшите ввести во всѣхъ училищахъ преподаваніе этой новой религіи“.

Такимъ образомъ, религіозные предметы были исключены изъ обязательныхъ программъ всѣхъ школъ Франціи; внѣшній церковный культъ былъ упраздненъ, и противъ всѣхъ, кого можно было заподозрить въ вѣрности религіознымъ догматамъ и идеямъ, было поднято открытое гоненіе, со стороны правительства демократіи. При такихъ условіяхъ, французскій народъ подпалъ господству принциповъ, безусловно отвергающихъ всякое религіозное чувство, всякое понятіе о внѣміровыхъ, сверхъестественныхъ силахъ, всякое убѣжденіе въ существованіи Творца и всякую возможность божественнаго откровенія въ сердцѣ человѣка, или въ фактахъ исторіи человечества.

Теперь бросимъ взглядъ на дѣла этого, отвернушагося отъ Господа, народа.

Громадная надпись надъ порталомъ парижскаго собора Богоматери (Notre Dame de Paris) возвѣстила населенію столицы, что

этотъ чудный храмъ посвящается „Философіи“. Для того же, чтобы показать французамъ образчикъ своеобразной нравственности, основанной на философіи атеистовъ и матеріалистовъ, руководители „просвѣтительнаго“ движенія устроили въ соборѣ грандіозное пиршество, украшеніемъ котораго были сами „просвѣтители“, въ обществѣ публичныхъ женщинъ Парижа. И оскверненный храмъ, въ теченіе трехъ дней, былъ молчаливымъ, угрюмымъ свидѣтелемъ творившихся въ немъ безумныхъ оргій гнуснаго разврата... Но и этого „просвѣтителямъ“ казалось мало. Имъ нужно было торжественно поднять знамя вызваннаго ими движенія, торжественно, такъ сказать, инавгурировать новый фазисъ революціи. Имъ хотѣлось, съ самаго начала, ознаменовать первые шаги своей дѣятельности выдающимся событіемъ, способнымъ сразу убить въ сознаніи французскихъ гражданъ всѣ остатки сомнѣнія относительно невѣрія и кровожадности, которыми отнынѣ должна была характеризоваться французская революція. И вотъ, съ этою цѣлью, въ видахъ демонстраціи дальнѣйшей программы возстанія, двѣсти священнослужителей были приведены въ тотъ же соборъ Богородицы и здѣсь, въ стѣнахъ святаго храма, преданы насильственной смерти. Вслѣдъ за тѣмъ, изуродованные трупы жертвъ этой безчеловѣчной рѣзни были брошены, въ пережѣлку, въ нарочно для того вырытую яму и, безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній, засыпаны землею.

Такъ выразилась на практикѣ, съ первыхъ же шаговъ, философія матеріализма и невѣрія, такъ сказала она, во всей своей наготѣ,—со всѣми, свойственными ей, гнусными противоестественными тенденціями, со всею, присущею ей, безчеловѣчной жестокостью и звѣрскою кровожадностью!..

Вскорѣ коллегія признала необходимымъ учредить, въ столицѣ и провинціяхъ, сто семьдесятъ восемь революціонныхъ судищъ, на обязанность которыхъ было возложено преслѣдованіе лицъ, подозрительныхъ въ смыслѣ приверженности аристократическимъ принципамъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ судищъ, въ числѣ сорока, не были приурочены къ опредѣленному мѣсту, но, будучи организованы по системѣ странствующихъ

трибуналовъ, постоянно переносили арену своей дѣятельности и своихъ засѣданій изъ округа въ округъ, изъ города въ городъ, смотря по тому, гдѣ, въ каждый данный моментъ, представлялись наиболѣе необходимыми ихъ присутствіе и грозная внушительность повсюду слѣдовавшихъ за ними палачей. Депутаты Жиронды, эти почтенные сыны новой Галліи, такъ много потрудившіеся на поприщѣ научной дѣятельности и, въ частности, не мало способствовавшіе дѣлу раціональной постановки и организаціи демократическихъ институтовъ,—депутаты Жиронды, первые пали жертвами кровожадныхъ судей революціи, которые, растерзавши первую жертву, казалось, вошли во вкусъ кровопролитія и разрушенія и съ ожесточеніемъ набросились на все, что оставалось еще, въ составѣ правительства и администраціи, честнаго, благороднаго и достойнаго уваженія.

Еще кровь, накануне лишь казненныхъ, жирондистовъ не перестала дымиться, какъ, неумолимы въ своемъ рвеніи, революціонные трибуналы посѣщили осудить на смерть шестьдесятъ трехъ женщинъ, обвиненныхъ въ томъ, что онѣ присутствовали при совершеніи богослуженія передѣтымъ священникомъ, въ частномъ домѣ. И эти несчастныя жертвы преданности религіи сложили свои головы на эшафотѣ.

Съ этого времени, дѣло революціонныхъ судилищъ, что ни день, все больше и больше крѣпло, росло и расширялось, благодаря, съ одной стороны, неуклонной энергіи судей и палачей, а, съ другой, неумолимому усердію безчисленныхъ шпионовъ, выискивавшихъ и вынюхивавшихъ неблагонадежныхъ лицъ по всей Франціи. Естественно, что, заваленные массой такъ легко и безпрерывно возникавшихъ дѣлъ, революціонные трибуналы не могли уже придерживаться сложной процедуры обыкновеннаго уголовнаго производства. Въмѣсто послѣдней, они изобрѣли свою собственную, сокращенную процедуру, при которой «судъ надъ каждымъ обвиняемымъ или даже цѣлой партіей обвиняемыхъ, вмѣстѣ съ постановленіемъ и объявленіемъ приговора, требовалъ не болѣе пяти минутъ времени, при чемъ самый приговоръ немедленно приводился

въ исполненіе всегда находившимися при трибуналѣ заплечными мастерами, или просто тюремною стражею.

Такъ дѣйствовали новые представители революціи—тѣ самые, которые, желая увѣковѣчить и въ будущихъ поколѣніяхъ духъ невѣрія, коимъ были одержимы сами, съ восторгомъ и рукоплесканіемъ привѣтствовали предложеніе одного изъ депутатовъ, гражданина Анастасія Кло, совѣтовавшаго димократіи открыто объявить войну всѣмъ царствующимъ, какъ на землѣ, такъ и на небѣ. Припавши это предложеніе, конвентъ вотировалъ и обнародовалъ декретъ, коимъ существованіе Бога признавалось недѣйствительнымъ, такъ сказать, отрицалось.

Въ свою очередь, французскій народъ ни сколько не отстаивалъ отъ своего правительства въ изувѣрствѣ фанатическаго атеизма. Нарядивши жену какого-то типографа въ своеобразный костюмъ, толпа внесла ее на плечахъ въ зданіе національнаго собранія, провозгласила ее богиней матеріализма и новой философіи и стала поклоняться, въ ея лицѣ, человѣческому разуму. Понятно, что, среди подобнаго антирелигіознаго мракобѣсія, революціонныя трибуналы и ихъ палачи не сидѣли, сложа руки, — тѣмъ болѣе, что и самъ народъ, имѣя постоянно передъ глазами ошпыняющее зрѣлище непрерывнаго кровопролитія, все болѣе и болѣе остервенялся и возгорался ненавистью къ своимъ мнимымъ врагамъ. Дошло до того, что достаточно было человѣку носить болѣе или менѣе громкое, извѣстное имя; достаточно было ему навлечь на себя подозрѣніе въ родствѣ съ кѣмъ нибудь изъ признанныхъ аристократовъ или клириковъ, либо въ преданности и расположеніи къ подобнымъ личностямъ; достаточно было ему обратить на себя вниманіе талантомъ, даровитостью, особенными способностями или честнымъ безупречнымъ поведеніемъ и выдвинуться хоть сколько нибудь впередъ, стать выше обыкновеннаго уровня толпы, — достаточно было констатированія хотя одного изъ этихъ данныхъ, и человѣка немедленно схватывали и, безъ дальнѣйшихъ разсужденій и объясненій, препровождали въ тюрьму, а оттуда на эшафотъ. Четыреста ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, въ возрастѣ отъ шести до одиннадцати лѣтъ, были заключены въ Сальпетриеръ и по-

тожь приговорены къ смертной казни — только потому, что они имѣли несчастіе родиться въ семьяхъ богатыхъ, частью же только зажиточныхъ гражданъ. Когда, однажды, чернь, не находя болѣе жертвъ, для насыщенія своихъ звѣрскихъ инстинктовъ, обратилась къ кровожадному Марату за разъясненіемъ, кого еще слѣдуетъ отправить на эшафотъ, то это чудовище въ образѣ чловѣка, не задумываясь, отвѣтило:

— Всѣхъ, кто несогласенъ съ нашими принципами.

— Но какъ отличить согласныхъ отъ несогласныхъ съ ними? — спросили его.

— А вотъ какъ! — провѣщало это гнусное воплощеніе изувѣрства и преступности. — Всякій, кто ѣздитъ въ экипажѣ, кто надѣваетъ на себя шелковую одежду, кто посѣщаетъ театры и общественныя увеселенія, — тотъ достоинъ смерти и долженъ погибнуть подъ ножомъ гильотины.

Естественно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, о какихъ бы то ни было правахъ собственности, чести и свободы личности не могло быть и рѣчи въ этомъ строго атеистическомъ обществѣ. Даже мать, ревниво охраняющая честь своей любимой дочери, не въ состояніи оградить ее отъ тлетворной заразы разврата, потому что матери, по предписанію власти, должны были сами вывозить своихъ дѣтей, особенно же взрослыхъ дочерей, въ собранія революціонныхъ комитетовъ и на вакхическія празднества черни. И, если женщина пригласилась патентованному гражданину-патріоту, то особый судъ сейчасъ же присуждалъ ее ему, какъ военный призъ, не справляясь ни съ ея волею, ни съ желаніемъ ея родственниковъ. (См. рѣчь Sueider'a по случаю бракосочетанія гражданина Funbe'a).

Среди пиршествъ и вакханалій черни, убійства и кровопролитіе усиливаются и учащаются. Ножи гильотинъ притупились и уже оказываются недостаточными для разрушительныхъ стремленій революціи, жертвъ которой набирается отъ времени до времени такъ много, что ихъ просто, цѣлыми десятками, безъ церемоніи разстрѣливаютъ, или, связанными по рукамъ и по ногамъ, бросаютъ въ рѣки. На первыхъ порахъ, трибуналы считали своей обязан-

ностью составлять протоколы своих засѣданій и вести списки осужденныхъ ими на смертную казнь. Но, впоследствии, такая аккратность была признана излишнею, и революціонныя судилища послали сотни несчастныхъ на эшафотъ, не задавая себѣ даже труда письменно излагать свои приговоры.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, почему историки революціи такъ значительно расходятся въ опредѣленіи числа жертвъ, казненныхъ во имя демократіи, по подозрѣнію въ приверженности аристократизму или христіанству. Съ точностью выяснено только число гильотинированныхъ въ одномъ Парижѣ женщинъ. Число это составляетъ не больше и не меньше, какъ десять тысячъ. И это въ одномъ лишь Парижѣ!..

За какія же провинности, за какія преступленія были казнены всѣ эти жертвы? — Дамартинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ уголовное правосозрѣніе, тяготѣвшее надъ Франціей, въ эти тяжкіе дни quasi-легальныхъ кровопролитій:

„Единственнымъ закономъ для народа было: смерть честному!

„Ножъ, которымъ была вооружена его карающая рука, постоянно предпочиталъ справедливаго и всегда поражалъ невиннаго.

„Невинность—вотъ то преступленіе, за которое осуждали на смертную казнь“.

Изложенные факты даютъ мнѣ, надѣюсь, право обратиться теперь непосредственно къ вамъ, господа матеріалисты и атеисты, и сказать вамъ, что вы клеветаете на науку, когда дерзаете проповѣдывать, во имя ея, свои безнравственныя, нечестивыя теоріи. Вы насмѣхаетесь надъ религіозными убѣжденіями и своими демоническими сарказмами подкапываетесь подъ корни спасительнаго дерева вѣры. Вы, въ качествѣ апостоловъ новой религіи, проповѣдниковъ и родителей подростоющихъ поколѣній, вы ни во что не ставите духовное и нравственное развитіе юношества, вы, ни въ школахъ, ни въ семьяхъ, не заботитесь нисколько объ усовершенствованіи и укрѣпленіи въ сердцахъ вашихъ дѣтей тѣхъ чувствъ, которыя одни способны дать имъ полное здоровье тѣла и духа, сдѣлать ихъ вѣрными и неизмѣнными служителями долга и внушить имъ возвышенный, благородный и благочестивый образъ мыслей. Придите же и

взгляните на ужасное, потрясающее зрѣлище, являемое жалкимъ народомъ, дѣйствующимъ исключительно по внушенію и предписанію вашей доктрины, утверждающей, что, въ видимаго и осязаемаго міра, нѣтъ ничего, ничего не существуетъ. Придите и взгляните на это зрѣлище вы, медики, особенно старательно ревнующіе о развитіи и распространеніи тлетворной заразы невѣрія. Придите, взгляните и дайте намъ совѣтъ, какъ, какими мѣрами, средствами и лѣкарствами можно возстановить миръ, спокойствіе и кротость въ сердцахъ остервенѣлаго, оскотинившагося народа и направить его на путь долга и сознанія нравственной обязанности, во имя спасенія семьи и поддержанія благоустроеннаго обществія.

О, я знаю вашъ отвѣтъ. Ваши обычные совѣты мнѣ извѣстны. Мнѣ знакомы предлагаемыя вами лѣкарства. Вы скажете, что вы образуете и воспитаете этотъ народъ, путемъ преподаванія ему философіи, что вы просвѣтите его наукою и облагородите своею моральною проповѣдью.—Все это прекрасно, и я отъ души желаю вамъ успѣха. Но вотъ, передъ нашими глазами, французская демократія. Ея правительство, ея законодательные, судебные и административные органы, весь ея народъ—подчинены господству вашихъ единомышленниковъ. Вы видѣли, въ какое плачевное, хаотическое состояніе попалъ онъ, благодаря вашимъ доктринамъ. Чему же станете вы учить его теперь?—Одни изъ вашихъ адептовъ предлагаютъ преподавать ему спиритуалистическую философію, признающую существованіе Бога и безсмертіе души. Другіе отдають предпочтеніе именуемой вами естественной, натуральной религіи, а нѣкоторые утверждаютъ, что, въ качествѣ предмета преподаванія, для просвѣщенія и развитія народа, всѣ права на пальму первенства имѣетъ теофилантропическая религія. Но главы демократіи оказываются куда послѣдовательнѣе всѣхъ прочихъ вашихъ единомышленниковъ. Они отвергаютъ всякую религію, всякую духовную идею и предполагають образовать народъ ученіемъ, наукою и свободною демократическою моралью, независимою отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, или внѣмирового авторитета.

Пускай же проповѣдники новой нравственности попробуютъ

воздѣйствовать своимъ ученіемъ на умы, сердца и расходившіяся страсти ими самими возбужденнаго народа. Христіанство, на этотъ разъ, не будетъ болѣе имъ помѣхой. Его уже нѣтъ, или почти нѣтъ во Франціи, а то, что еще осталось отъ него, притаилось глубоко, въ тайникахъ благочестивыхъ сердець, подобно тому, какъ зачатки христіанства скрывались, въ свое время, въ римскихъ катакомбахъ. Прячась въ пещерахъ и горныхъ ущеліяхъ, іерей, то здѣсь, то тамъ, совершаетъ святое богослуженіе въ кругу немногихъ, оставшихся вѣрными религіи и послѣдовавшихъ за нимъ, христіанъ. Бое-гдѣ благочестивый семьянинъ, поздней ночью, собравъ вокругъ себя своихъ дѣтей и скрываясь отъ собственной прислуги, съ душевнымъ трепетомъ рѣшается раскрыть святую книгу и прочитатъ нѣсколько сладостныхъ словъ Божественнаго откровенія. Порой богобоязненная женщина, взглянувши на запертыя наглухо двери оскверненнаго храма, вздохнетъ глубоко и уронитъ горячую слезу скорби, царившей, въ тѣ мрачныя дни, въ сердцахъ не отвергнувшихъ Господа... Вотъ и все, что оставалось еще во Франціи отъ христіанства!

Итакъ, господа! Итакъ, мудрецы, димократы и демагоги! Философы и мыслители новой формации! Теперь вы свободны. Ни интриги ненавистнаго вамъ духовенства, ни противодѣйствіе преслѣдуемыхъ вами аристократовъ, ни рутинна устарѣлыхъ идей и религіозныхъ убѣжденій не стоятъ уже вамъ болѣе поперекъ дороги. Теперь вы свободны, — путь для вашей дѣятельности расчищенъ. Приступите же къ дѣлу духовнаго и нравственнаго образованія народа и дайте ему раціонально организованную систему общезжитія.

Вы претендуете, что только вы въ состояніи сдѣлать и то, и другое. Такъ дѣлайте же!

А мы послѣдуемъ по вашимъ пятамъ, будемъ слѣдить васъ въ дѣлахъ вашихъ.

II.

Въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, общественный бытъ Франціи представлялъ собою слѣдующую картину:

Христіанство было отгнѣнено декретами правительства, а святыя храмы частью были разрушены до основанія, частью были отведены для употребленія, не имѣющаго ничего общаго съ церковью и религіей. Граждане, оставшіеся вѣрными религіозному благочестию, либо поплатились жизнью за свою преданность Всевышнему, либо принуждены были покинуть отечество и въ чужихъ странахъ укрываться отъ воздвигнутаго противъ нихъ на родинѣ, безпощаднаго гоненія. Междоусобная война, если не повсюду, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, была въ полномъ разгарѣ, и народъ, въ конецъ обезсиленный, какъ духовно, такъ и матеріально, раззорявшею страну неурядицею, напрасно взывалъ къ правительству демократіи, требуя отъ него общаго счастья и общественнаго благосостоянія, которое, въ глазахъ разнузданной черни, отождествлялось съ возможностью жить и пировать, ничего не дѣлая—безъ труда и работы.

Такимъ образомъ, положеніе самихъ виновниковъ террора, его зачинщиковъ и устроителей, стоявшихъ во главѣ демократическаго правленія, съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ, критическимъ. Теперь они поняли, что идти далѣе по тому пути, который они сами указали народу, не возможно, потому что возбужденная толпа освобожденная отъ всякой узды и сдержки, не находя на этомъ пути осуществленія навязанныхъ ей, радужныхъ бредней демократовъ, легко могла обратить свое раздраженіе и ярость на этихъ мнимыхъ благодѣтелей народа, оказавшихся, на повѣрку, просто жалкими обманщиками. Они поняли, что теперь насталъ моментъ вернуть Францію на путь гражданственности, разбудить въ сознаніи народа уснувшее благоразуміе и приучить его снова къ повиновенію закону и общественнымъ властямъ.

И вотъ, встревоженные очевидностью близкой и грозной опасности, демократическіе вожаки стали задумываться и ложать себѣ голову надъ вопросомъ о мѣрахъ и средствахъ, при помощи которыхъ можно было бы ограничить бурные эксцессы возбужденнаго народа и поставить преграду расходившимся страстямъ одичавшей толпы. Депутаты, бойко подвизавшіеся до сихъ поръ на аренѣ насилія и преступности, опомнились и заговорили совершенно на

другой ладъ. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться предупреждающіе голоса. „Мы погасили въ сердцахъ гражданъ пламя христіанской вѣры“, — такъ раскидывали умомъ, нѣсколько поздно одумавшіеся, демагоги, — „мы уронили, въ ихъ глазахъ, авторитетъ предписаній религіозной морали. Но теперь настало время внушить народу надлежащее уваженіе къ законамъ и предержащимъ властямъ. Необходимо, такъ или иначе, обезпечить права семьи и собственности. Необходимо возстановить спокойствіе, общественный порядокъ и организовать демократію на прочныхъ, устойчивыхъ основахъ“.

Всѣ признавали полную разумность и своевременность подобныхъ разсужденій, но ни какъ не могли сойтись во мнѣніяхъ по вопросу о мѣрахъ, способныхъ дать народу; помимо всякой религіозной традиціи, новую нравственную фізіономію и внушить ему сознаніе долга и уваженіе къ послѣднему, независимо отъ авторитета христіанскаго откровенія. — Для достиженія этой цѣли, въ видахъ духовнаго перевоспитанія французовъ, предлагались слѣдующія двѣ системы мѣръ:

Одни находили необходимымъ, чтобы правительство отиѣнило, всего лишь за нѣсколько недѣль ранѣе изданный имъ, декретъ противъ Божества и организовало особые институты или публичныя чтенія, для преподаванія народу спиритуалистической философіи и для ознакомленія его съ предложенными этой философіей доказательствами въ пользу реальности бытія Высшаго Существа и безсмертія души, при чемъ оба эти положенія должны были сообщаться народу въ качествѣ чисто научныхъ истинъ, обнаруживаемыхъ работой логически правильнаго мышленія, независимо отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій или откровенія.

По мнѣнію другихъ, демократія не должна была отиѣнять вотирированные ею законы, но, оставивши ихъ въ силѣ, должна была приступить къ нравственному воспитанію народа, при помощи народныхъ бесѣдъ и популярныя научныхъ чтеній, при чемъ воспитателямъ толпы слѣдовало поучать ее добродѣтели и сознанію долга, исключительно во имя гражданственности, общественнаго благосостоянія и соціального интереса вообще; но никакихъ бы

то ни было идей о Божествѣ, ни философскихъ теорій о духовномъ, невидимомъ мірѣ эти бесѣды для народа не должны были касаться вовсе.

Оба изложенныя предложенія были приняты и послѣдовательно, одно за другимъ, приняты правительствомъ демократіи на практикѣ. Изученіе результатовъ и послѣдствій этихъ соціальныхъ опытовъ въ высшей степени любопытно, такъ какъ оно представляетъ собою не только одинъ лишь историческій интересъ, но оказывается крайне поучительнымъ и съ точки зрѣнія практической.

Въ самомъ дѣлѣ, и въ наше время, лица, совершенно отвергающія христіанство, либо относящіяся къ вопросамъ вѣры съ полнымъ индифферентизмомъ и безразличіемъ, могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія двѣ категоріи, дѣликомъ совпадающія съ тѣми двумя лагерями, которые, во дни революціи, формулировали только что указанныя системы народнаго воспитанія. Именно, и теперь одни изъ скептиковъ утверждаютъ, что, для нравственнаго и духовнаго развитія толпы, совершенно достаточно философская идея вѣры въ Божество, а всякіе положительныя догматы и внѣшній религіозный культъ должны быть признаны безусловно излишними и безцѣльными (деисты); между тѣмъ, какъ другіе находятъ, что, такъ какъ духовнаго міра не существуетъ вовсе, а идеи о существованіи Бога и безсмертіи души одинаково ложны и несостоятельны, то слѣдуетъ базировать нравственное воспитаніе народа, вообще, и юности, въ частности, исключительно на научномъ развитіи человѣческаго ума (матеріалисты и позитивисты).

Но обратимся снова къ господамъ атеистамъ всѣхъ оттѣнковъ и къ ихъ заботамъ о возвращеніи Франціи на путь законности и уваженія къ общественнымъ властямъ.

Итакъ, господа скептики! французскій народъ и его судьбы— въ вашихъ рукахъ. Въ немъ нѣтъ уже никакихъ религіозныхъ убѣжденій,—они убиты, осмѣяны, изгнаны изъ сознанія толпы. Въ немъ не сохранилось никакихъ христіанскихъ традицій,—онѣ потены и исчезли, какъ исчезли и послѣдніе слѣды внѣшняго речевого культа. Нѣтъ болѣе ни вѣры, ни церкви! — И вотъ, мы вашему призыву, рабочіе изъ городовъ, земледѣльцы

изъ селеній, мужчины и женщины, юноши, дѣти и старики — обратились въ избранномъ вами мѣстѣ и ждутъ вашего поученія, ждутъ услышать отъ васъ спасительное слово позитивной философіи.

Какую же изъ многочисленныхъ существующихъ системъ выберете вы для преподаванія народу? При помощи какого философскаго метода будете вы разъяснять и внушать ему философскія истины?

Остановите ли вы свой выборъ на теоріи Платона о первопричинахъ и врожденныхъ идеяхъ, или предпочтете доказывать бытіе Высшаго Существа данными, извлеченными изъ анализа механическихъ законовъ движенія?

Будете ли вы обосновывать и аргументировать истину о Божествѣ при помощи опытнаго метода Бэкона Веруламскаго, или дадите предпочтеніе идеологическому методу Рене Декарта?

Примите ли вы метафизическое міровоззрѣніе Malebranche'a и постараетесь, вслѣдъ за нимъ, вдохновить себя и своихъ учениковъ метафизическими и трансцендентальными соображеніями, дабы, такимъ путемъ, вознестись душою до не достигаемыхъ для человѣческаго ума областей духовнаго міра, или возьмете за руководство скептической методъ Канта, утверждающаго, что мы можемъ почерпнуть убѣжденіе въ существованіи Бога и загробной жизни — только изъ указаній практическаго разума и абсолютной реальности понятія долга?

Правда, всѣ упомянутыя философскія системы сходятся на одномъ и томъ же, связующемъ ихъ пунктѣ: всѣ онѣ приводятъ къ признанію истинности догматовъ о существованіи Божества и безсмертіи души. Тѣмъ не менѣе, вамъ, господа учителя новой формации, необходимо предварительно столкнуться съ вашими философами и наставниками народа и сообща выбрать, для преподаванія толпѣ, одну какую-либо теорію, способную вполне замѣнить для человѣческаго сознанія силу подавленныхъ вами религіозныхъ традицій. На какой же изъ существующихъ теорій и системъ остановитесь вы?

Но этого мало. Приступая къ своимъ просвѣтительнымъ бесѣ-

дамъ съ народомъ, къ чтенію своихъ философскихъ курсовъ, вы не должны упускать изъ вида и слѣдующихъ соображеній:

Прежде всего, для того, чтобы слушатели ваши могли уяснить себѣ хотя сущность какой-либо философской системы, вы должны предварительно надлежащимъ образомъ подготовить ихъ умъ къ пониманію подобныхъ вещей, путемъ ознакомленія ихъ съ предметами общеобразовательнаго характера, съ логикой, антропологіей и метафизикой вообще. Затѣмъ, допустимъ, что ученики ваши, такъ или иначе, усвоили уже себѣ избранную вами систему. Но, вѣдь, на этомъ задача ваша, въ качествѣ наставниковъ и просвѣтителей народа, еще не оканчивается. Вы должны еще оградить мышленіе своихъ учениковъ отъ возможныхъ въ будущемъ ошибокъ и заблужденій, и, съ этою цѣлью, вамъ придется предпринять преподаваніе народу особаго спеціальнаго курса, посвященнаго критикѣ и опроверженію всѣхъ прочихъ, несогласныхъ съ избранною вами, философскихъ теорій и системъ.

Не забывайте также и имѣній, высказанныхъ двумя извѣстными философами, изъ среды вашихъ же единомышленниковъ. Вспомните Вольтера, который утверждалъ, что напрасно стали бы мы заботиться о воспитаніи и развитіи толпы при помощи философіи, потому что никогда вліяніе и воздѣйствіе мыслей философа не переходило за стѣны его жилища. Примите въ соображеніе и слова Жанъ-Жака Руссо, констатировавшаго, что нѣтъ такой глупости, нѣтъ такого абсурда, которые не имѣли бы достойнаго защитника въ средѣ философвъ.

Вотъ тѣ данныя и соображенія, съ которыми вамъ необходимо сначала свести счеты, прежде чѣмъ приступать къ задуманному вами общественному преподаванію. Какъ же организуете и поведете вы это преподаваніе, господа невѣрующіе просвѣтители народовъ?

Пресловутый Робеспьеръ, обагрившій свои руки въ крови невинныхъ и въ особенности отличившійся въ дѣлѣ ожесточеннаго преслѣдованія христіанства, — Робеспьеръ, очевидно, имѣлъ въ виду всѣ эти данныя и соображенія и именно на нихъ построилъ свою политическую программу, въ качествѣ главы партіи деистовъ, до-

бывшейся большинства сторонниковъ въ конвентѣ. Онъ глубоко обдумалъ эти данныя и соображенія и убѣдился, что было бы безуміемъ рассчитывать на возможность внушить народу деистическое міровоззрѣніе, только путемъ преподаванія ему философіи. Поэтому, онъ находилъ, что, взаимнѣ религіозныхъ догматовъ, предлагаемыхъ свободному убѣжденію непринужденной совѣсти человѣка, необходимо воздѣйствовать непосредственно на сознаніе народа и предписать ему, властью большинства голосовъ конвента и силою особыхъ, специальныхъ декретовъ и узаконеній, обязательное признаніе несостоятельности атеизма и справедливости научныхъ истинъ о бытіи Высшаго Существа и безсмертіи души.

Согласно этой, вновь начертанной имъ, программѣ, Робеспьеръ, въ своей рѣчи, въ засѣданіи конвента 7 мая 1794 года, заявилъ открытое обвиненіе въ атеизмъ, — и это обвинялъ Робеспьеръ! — противъ эрбенистовъ и послѣдователей Дантона и потребовалъ преданія ихъ суду революціонныхъ трибуналовъ.

Вотъ, по истинѣ, странный фактъ!

Человѣкъ, отправившій на эшафотъ тысячи жертвъ только за то, что они вѣрили въ Бога, теперь ополчается противъ своихъ прежнихъ палачей и товарищей и требуетъ ихъ казни за то, что они отрицаютъ существованіе Бога и безсмертіе души!.. Не слишкомъ ли рѣзкій, въ самомъ дѣлѣ, поворотъ?

„Вы“, говорилъ Робеспьеръ въ засѣданіи конвента, „вы, фанатики невѣрія, преслѣдуете суевѣріе и предрасудки. Но пусть же вѣдаютъ народы, что атеизмъ представляетъ собою систему, пригодную только для аристократіи. Убѣжденіе въ реальности бытія Высшаго Существа, руководящаго судьбами челоуѣчества и покровительствующаго слабымъ, есть убѣжденіе народное, демократическое, и толпа должна постоянно придерживаться его, такъ какъ только въ немъ одною она можетъ почерпнуть силу для поддержанія и развитія въ себѣ гражданскихъ доблестей и любви къ отечеству. Пускай аристократы и тираны будутъ атеистами. Но мы не должны быть ими. И кто возложилъ на эрбенистовъ заботу объ умерщвленіи въ народѣ идеи о существованіи Бога, — этой идеи, вполне согласной съ основами философской истины?

И далѣе, развѣ убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ послѣ смерти уничтожается, исчезаетъ безслѣдно,—развѣ убѣжденіе это болѣе способно внушить гражданину любовь къ родинѣ и уваженіе къ правамъ его согражданъ, чѣмъ можетъ слѣдовать это философски доказанная истина о безсмертіи души?—Нѣтъ, безумцы тѣ, что хотятъ изгнать изъ зданія общественной системы понятіе о Божествѣ, потому что съ нимъ, съ этимъ понятіемъ, неразрывно связана нравственность народовъ*.

Конвентъ прівѣтствовалъ эти слова новаго диктатора бурными рукоплесканіемъ,—тотъ самый конвентъ, который, всего лишь нѣсколько недѣль тому назадъ, съ такимъ же шумнымъ восторгомъ принялъ предложеніе объ учрежденіи своихъ разбойничьихъ трибуналовъ, для преслѣдованія христіанства, и который, лишь немногимъ дней спустя послѣ рѣчи Робеспьера, вотировалъ рядъ мѣръ, цѣлкомъ обязанныхъ своимъ происхожденіемъ слѣбному безумію атеизма...

Какъ бы то ни было, но 7 мая 1794 года конвентъ согласился съ мнѣніемъ Робеспьера, и 11 числа того же мѣсяца былъ изданъ декретъ, гласившій, что французскій народъ „принимаетъ и признаетъ бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души“ Для того же, чтобы ознаменовать торжество новой философской системы новымъ кровопролитіемъ, революціонные трибуналы осудили на смерть Дантона и массу эрбенистовъ, при чемъ свой приговоръ мотивировали тѣмъ, что эти осужденные, позорившіе революцію своимъ образомъ мыслей, покушались основать демократію на развалинахъ атеизма и жусорѣ философской лжи. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявлялось въ обвинительной рѣчи Fouquier Tinville'я.

Сверхъ того, по случаю обнародованія декрета 11 мая, было устроено особое празднество, въ честь Высшаго Существа и человеческого разума,—нѣчто въ родѣ общенародной манифестаціи противъ атеизма. На этомъ празднествѣ, какая то женщина сомнительнаго поведенія изображала собою разумъ, и передъ нею, медленнымъ шагомъ, съ благоговѣнно склоненными головами „дефилировали“ всѣ члены національнаго собранія. Что же касается невѣрія, то оно, въ формѣ челоуѣкообразнаго чучела, торже-

ственно было предано сожженію самимъ Робеспьеромъ среди оглушительныхъ рукоплескавій толпы и восторженныхъ криковъ его ближайшихъ сторонниковъ.

Непосредственно послѣ этого торжества, партизаны диктатора открыли по всей Франціи свои публичныя курсы для преподаванія народу спиритуалистической философіи и научно-метафизическихъ теорій о Божествѣ и душѣ человѣка.

Однако, поступая такимъ образомъ, господа деисты, очевидно, упустили изъ вида, что убѣжденія въ справедливости истинъ, касающихся сверхъестественнаго, не могутъ быть ни навязаны человѣку предписаніемъ закона, ни внушены ему холодной діалектикой, или мудрыми хитросплетеніями философа. Они убили сначала въ сердцахъ гражданъ религіозное чувство, лишили ихъ всякаго вѣросознанія и засушили таившійся въ нихъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ, небесный источникъ, питающій постоянныя порывы мысли къ Безконечному и Безпредѣльному, а затѣмъ, задумали замѣнить, для человѣчества, яркій свѣтъ вѣчной истины сумрачнымъ чадомъ философскихъ контроверзъ. И, поступая такъ, они не стыдились заявлять, что дѣлаютъ все это во имя правъ науки.

Наука! бѣдная наука! Сколько абсурдовъ, сколько лжи, сколько нечестивыхъ теорій, сколько развратныхъ доктринъ и безнравственныхъ поступковъ прикрывается твоимъ прекраснымъ, чистымъ именемъ...

Да развѣ наука или философія составляютъ единственныя источники, изъ коихъ человѣкъ можетъ почерпнуть свои идеи, знанія и убѣжденія, и которыя способны указать ему путь къ истинѣ? Совсѣмъ нѣтъ! Человѣкъ, напротивъ того, создалъ науку именно путемъ упрядоченія и систематизаціи тѣхъ знаній, которыя онъ пріобрѣлъ, благодаря своимъ естественнымъ склонностямъ, инстинктамъ и присущимъ ему способностямъ и умственнымъ силамъ,—и пріобрѣлъ лишь путемъ практическаго ознакомленія съ природой и жизнью, когда науки еще и въ поминѣ не было. Люди изобрѣли примитивныя орудія техническаго производства и были знакомы съ употребленіемъ огня, еще задолго до возникновенія какой бы то ни было науки. Не грамматикки и не филологи научили

человѣчество говорить, пользуясь членораздѣльною рѣчью, и никакого, правильно организованнаго, внѣшняго культа еще не было. Когда люди уже слагали и пѣли, вдохновленные религіознымъ чувствомъ, гимны Всевышнему Творцу. Правовыя и моральныя условія благоустроеннаго общежитія были формулированы человѣчествомъ, въ то время, когда нравственной философіи не существовало еще и въ зародышѣ. И даже наиболѣе дѣйствительныя терапевтическія средства были открыты чисто эмпирически, помимо всякихъ указаній и научной разработки носологическихъ дисциплинъ.

Наука, несомнѣнно, является вѣрнымъ, надежнымъ помощникомъ человѣка, въ дѣлѣ сохраненія, обработки и систематизаціи его познаній и данныхъ его труда и опыта. Ея услуги неоцѣнимы, поскольку рѣчь идетъ о формулировкѣ методовъ познанія и преподаванія, и о дальнѣйшемъ развитіи знаній человѣка и расширеніи его умственнаго кругозора. Тѣмъ не менѣе, предѣлы вѣдомства науки, такъ сказать, кругъ ея компетенціи—не простираются далѣе опредѣленной черты, и жить только ею человѣкъ не можетъ и не долженъ. Онъ не долженъ отрѣшиться отъ врожденныхъ его природъ тенденцій и силъ, обращающихъ его сознаніе ввысь, къ Безконечному, и указывающихъ ему путь къ истинѣ, до которыхъ онъ никогда не могъ бы возвыситься, пользуясь только умственнымъ, логическимъ изслѣдованіемъ и анализомъ. Конечно, и наука можетъ и въ правѣ заглядывать въ отдаленную область внѣміроваго бытія; но она должна вступать въ эту область не иначе, какъ рука объ руку съ идеями и убѣжденіями—реальность коихъ она должна признать предварительно,—черпающими свое начало въ чувствахъ и фактахъ, первопричина и сущность которыхъ не входятъ въ область вѣдѣнія опытнаго изслѣдованія и діалектическаго анализа. „Человѣчeskій духъ“ говоритъ великій фізіологъ нашего столѣтія, Клодъ Бернаръ, „представляетъ собою не простую, элементарную силу, но сложное единство сообща и гармонично дѣйствующихъ силъ. Чувства и естественныя интуиціи, источника которыхъ мы не можемъ опредѣлить, сотрудничаютъ въ насъ, на ряду съ просвѣтительной силой

разсудка и изслѣдующиѣмъ опытомъ. Правильный методъ для изысканія истины не можетъ руководствоваться только указаніями разума и опыта, но долженъ основываться на согласной координаціи и надлежащемъ урегулированіи всѣхъ духовныхъ силъ, присущихъ человѣку“.

Здѣсь, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, я считаю необходимымъ оговориться.

Мнѣ было бы очень прискорбно, если бы кто нибудь вздумалъ превратно истолковать мои слова. Быть можетъ, никто не уважаетъ науку болѣе, чѣмъ я ее уважаю, и никто не искалъ и не просилъ ея совѣтовъ и указаній съ большимъ, чѣмъ я, благоговѣніемъ, съ болѣе неуклоннымъ терпѣніемъ и настойчивостью. Много лѣтъ моей жизни посвятилъ я наукѣ и у дверей многихъ ученыхъ стучался я, прежде чѣмъ смогъ сложить свое, наиболѣе дорогое для меня, непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что истинная наука и религія всегда взаимно между собою согласны и никогда не приходятъ во враждебное столкновеніе другъ съ другомъ. Но это долготѣнее, добросовѣстное ознакомленіе съ наукою, одновременно, убѣдило меня и въ томъ, что истинная наука, способная анализировать и познавать доступное ей, совершенно не способна создать даже самой ничтожной силы, которая могла бы, такъ или иначе, непосредственно воздѣйствовать на свободную волю человѣка и направить его на путь нравственнаго и религіознаго усовершенствованія. Наука можетъ открыть динамитъ, но она не можетъ заставить человѣка пользоваться имъ только для хорошихъ, благихъ цѣлей, какъ не можетъ запретить ему употреблять это разрушительное средство для осуществленія, подчасъ не менѣе разрушительныхъ, преступныхъ замысловъ. Истинная наука, ограничивая свою задачу изученіемъ видимаго и доступнаго внѣшнему наблюденію міра, не можетъ, конечно, не усматривать, въ ходѣ своихъ изысканій, и невидимую, непостижимую силу — первопричину творенія и бытія. Но, дойдя до непосредственнаго обнаруженія этой силы, она, истинная наука, останавливается, призывая свою полную некомпетентность къ дальнѣйшему изслѣдованію, и благоговѣнно склоняетъ голову передъ возвышенными традиціями, лежа-

щими въ основѣ тѣхъ убѣжденій, которыя формулированы человекомъ, такъ сказать, непосредственно, въ виду данныхъ интроспективного самонаблюденія и краснорѣчивыхъ откровеній, обнаруживающихся въ фактахъ и перипетіяхъ міровой исторіи. Здѣсь, передъ этими убѣжденіями, истинная наука останавливается и не дерзаетъ братья за критику догматовъ о первопричинѣ бытія, сознавая свое полное невѣжество, въ отношеніи подобныхъ вопросовъ. „Ignoramus et ignorabimus — не знаемъ и знать не будемъ!“ — вотъ, что говорятъ, когда рѣчь заходитъ о повѣркѣ религиозныхъ догматовъ, такіе ученые, какъ Фарадей, Du-Bois-Reymond, Pasteur, Chevreuil и Клодъ Вернаръ. „Не знаемъ и не будемъ знать“. Истинная наука утверждаетъ, что не только религиозныя понятія и убѣжденія, но даже и самыя примитивныя идеи человека, каковы идеи времени, пространства, бытія, идеи добраго, безколечнаго и прекраснаго — происходятъ изъ таинственнаго, непостижимаго для науки, источника, который не являетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ своей сущности, въ сферѣ доступнаго зрѣнію и осязанію міра. Во всемъ, что касается этихъ идей и убѣжденій, надежнымъ руководителемъ человека служатъ непосредственное убѣжденіе и врожденная интуиція, указывающія человеку всегда прямой путь къ познанію реальной истины, до которой философъ доходить лишь съ трудомъ, по окольнымъ, и почти всегда сопряженнымъ съ громаднымъ рискомъ, дорогамъ.

Въ пользу изложеннаго положенія громко говорятъ сами факты.

Сократъ и Рене Декартъ строятъ свое убѣжденіе въ существованіи Бога на свойствахъ и показаніяхъ человѣческаго разума, освѣщенныхъ соображеніями діалектики.

Кантъ не признаетъ за разумомъ силы и способности открытія истины и самъ черпаетъ свое убѣжденіе въ предвѣчномъ существованіи Божества изъ данныхъ анализа, обнаруживающагося въ человѣческомъ самосознаніи чувства долга.

Аристотель и П. Жюане основываютъ свое религиозное міровоззрѣніе на фактъ телеологичности міроздаія, его паразитальной цѣлесообразности.

А. Кеплеръ и Коперникъ благочестиво обнажаютъ свои го-

ловы и повергаются ницъ передъ величіемъ Творца, пренебреженныя вѣры и благоговѣйнаго тремета, въ виду открытой ими гармоніи, царящей въ области проявленій законовъ природы.

И т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, каждый философъ мыслить на свой ладъ, на свой образецъ. За то, какая между философствующими мыслителями масса несогласій и противорѣчій, какая тьма противорѣчій, какая бездна туманныхъ неясностей и просто абсурдовъ!.. И много ли такихъ людей, которые могли бы bona fide удостовѣрить, что они заимствовали свои убѣжденія именно отъ философовъ изъ ихъ діалектическихъ построеній и метафизическихъ теорій? Такихъ, навѣрное, очень мало, ибо, что касается невидимаго духовнаго міра, то здѣсь религіозный культъ и убѣжденіе въ существованіи сверхъестественной силы сами собой, такъ сказать, самопроизвольно зарождаются и пускаютъ глубокіе корни въ человѣческомъ сердцѣ. будучи непосредственными произведеніями природной, врожденной людямъ тенденціи или, если хотите, чувства, влеченія, характеризующаго идею, лежащую въ основаніи существа человѣческаго духа, — идею, въ силу и благодаря которой духъ этотъ ищетъ и усматриваетъ первопричину бытія не въ окружающей его природѣ, а внѣ ея. Эта естественная тенденція нашего духа развивается и укрѣпляется, путемъ наблюденія обнаруженій Божественнаго Промысла въ судьбахъ міра, путемъ религіознаго служенія и благодаря разъясненіямъ догматики положительной религіи, — что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ дикарямъ, живущимъ въ первобытномъ состояніи, ииѣть и питать религіозныя чувства, когда у нихъ еще ни положительной религіи, въ собственномъ смыслѣ, ни какой бы то ни было церковной организаціи и въ поминѣ нѣтъ. — Вотъ почему и темный чернорабочій, и ребенокъ, и совершенно необразованный человѣкъ одинаково легко понимаютъ языкъ религіи и одинаково чувствуютъ ея силу и вліяніе на ихъ совѣсть, хотя, въ то же время, абсолютно не способны постигать хотя бы суть трансцендентальныхъ и вообще философскихъ мудрствованій. Метафизику народа составляетъ его религія, потому что въ сердцѣ каждаго человѣка живетъ чувство и сознаніе Бо-

жества, потому что въ каждомъ индивидуальномъ разумѣ есть всѣ данныя для усмотрѣнія Первопричины мірозданія, потому что и сердце и разумъ людской, въ равной мѣрѣ, обладаютъ способностью развивать и укрѣплять присущія человѣку религіозныя тенденціи и вѣросознаніе, на почвѣ организациі общественнаго церковнаго культа и при содѣйствіи догматическаго и катихизическаго вѣроученія. А такая неограниченная доступность религіознаго прогресса веѣмъ и каждому, въ свою очередь, возможна, лишь благодаря присущему человѣку, глубокому, неизмѣнному и непоколебимому убѣжденію въ томъ, что только строгое выполненіе божественнаго закона религіозной нравственности и вѣра въ догматы откровенія, только они могутъ дать и всегда дадутъ людямъ вѣчное блаженство.

Кто занимался теоретическимъ изученіемъ религіозныхъ фактовъ, тотъ не могъ не удивляться поразительному разнообразію путей, пріемовъ и методовъ, при помощи которыхъ формируются, въ средѣ человѣчества, и развиваются религіозныя убѣжденія. Но еще болѣе поражаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпляетъ вѣросознаніе личности фактъ изумительнаго согласія и гармоніи, существующей между выводами философіи и метафизическаго мышленія, съ одной стороны, и таинственными самопроизвольными усмотрѣніями религіозной интуиціи, съ другой. И, въ этомъ случаѣ, мышленіе всегда должно идти рука объ руку съ чувствомъ, безъ котораго оно, одними своими силами, никогда не въ состояніи подняться до постиженія религіозной истины. Поэтому, кто хочетъ возстановить въ народѣ потрясенную религію и вновь зажечь въ сердцахъ толпы померкнувшій свѣточъ религіознаго чувства, тотъ безумецъ, если надѣется достигнуть своей цѣли исключительно при помощи отвлеченныхъ философскихъ доктринъ и силою обязательныхъ законовъ и декретовъ.

Неудивительно, поэтому, что попытка Робеспьера, вернуть Францію къ вѣрѣ въ существованіе Всевышняго и безсмертіе души, не увѣнчалась успѣхомъ. Своимъ майскимъ предложеніемъ, Робеспьеръ доказалъ, что онъ, въ качествѣ государственнаго человѣка, политика, измѣнилъ свой прежній взглядъ на религію и церковь.

Онъ призналъ свое политическое заблужденіе, свою ошибку и раскаялся, но раскаялся только какъ политикъ, а не какъ христіанинъ. Онъ убѣдился на опытъ въ роковыхъ послѣдствіяхъ умерщвленія въ народѣ всякаго вѣросознанія и ясно увидѣлъ ту безпроглядную бездну, ту пропасть гибели, въ которую толкали страну лица, въ корнѣ подорваншія христіанскія чувства французскаго народа и жившія въ немъ вѣковыя преданія вѣры. И, раскаявшись, въ качествѣ чловѣка науки и политики, Робеспьеръ обратился за помощью къ философіи, къ силамъ земнымъ и къ холоднымъ отвлеченнымъ теоріямъ діалектическаго мышленія. Понятно, что въ нихъ онъ не нашелъ того, чего искалъ, — не нашелъ спасенія для народа, поверженнаго невѣріемъ въ хаосъ общественной неурядицы. Если бы Робеспьеръ былъ не только политикъ, но и христіанинъ, то, раскаявшись, онъ постигнулъ бы открыть заброшенные храмы Всевышняго и, преисполнившись скорби сердечной, въ виду случившагося, взявъ ко Господу, какъ разбойникъ на крестѣ, поторопился бы дать въ руки народу вѣчную книгу, изъ которой исходятъ не философскія бредни и пустословіе, но неизсякаемымъ потокомъ брызжетъ сила вѣчной жизни. Въстѣ съ тѣмъ, дабы совершенно выполнить дѣло раскаянія, онъ озаботился бы подготовить и создать просвѣщенный, благочестивый клиръ, способный разсѣять въ народѣ сумракъ суевѣрія и нечестивыхъ теорій, и постарался бы обезпечить ему надлежащее общественное положеніе, которое внушало бы народу уваженіе и любовь къ этому клиру и дѣлало бы послѣдній достойнымъ его высокаго призванія — быть, для народа, учителемъ и проповѣдникомъ евангельской вѣры и кротости, и предлагать вѣрующимъ вкушеніе Агнца, „раздробляемаго и нераздѣляемаго, всегда ядомаго и никогда же изживаемаго“.

Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности, дѣлу было дано совѣмъ другое направленіе, благодаря чему и результаты получались не тѣ, которыхъ ожидалъ Робеспьеръ. Прошли первые порывы новаго движенія, пріутихло возбужденіе, вызванное новыми просвѣдательными празднествами и новой рѣзней — и на повѣрку оказалось, что народъ ничего не понялъ изъ читанныхъ ему публичныхъ курсовъ

и не могъ уяснить себѣ, какая такая разница существуетъ между религіей и философскимъ деизмомъ. Народъ потѣшался надъ своими ораторами, подымалъ на смѣхъ своихъ проповѣдниковъ и свисталъ учителямъ метафизическихъ теорій. Этими обстоятельствомъ воспользовались тайные враги диктатора, и эрбенштамъ безъ труда удалось опрокинуть гнилое зданіе философскаго деизма. Развязка политической затѣи Робеспьера не заставила себя долго ждать. При диктатурѣ Марата и Дантона, избранники французскаго народа, его депутаты, убивали честныхъ, вѣрующихъ и благочестивыхъ гражданъ. Когда власть перешла въ руки Робеспьера, они ополчились противъ приверженцевъ Дантона и атеистовъ и не уставали возводить ихъ, одного за другимъ, на эшафотъ. А когда престижъ Робеспьера погасъ, въ виду постигшей его попытку неудачи, тогда настала очередь ему самому испытать ту же участь, и 8 іюля 1794 года Робеспьеръ и, съ нимъ вмѣстѣ, семьдесятъ два человѣка изъ числа его единомышленниковъ сложили свои головы, въ силу постановленія народнаго представительства, подъ ножомъ гильотины.

Такимъ образомъ, и опытъ замѣны уничтоженной религіи философскимъ деизмомъ не удался, потерѣвши полное крушеніе въ крови тѣхъ, кто, во имя этого опыта, сами заняли себя длиннымъ рядомъ злодѣйствъ и преступленій.

Во времени, о которомъ идетъ рѣчь, французская земля была едлошь улитаана алою кровью своихъ сыновъ, и густой туманъ, подымавшійся отъ нея, затемнилъ окончательно яркую звѣзду христіанства, освѣщавшую путь революціи, въ ея началѣ, и помогшую реформѣ сдѣлать не мало прогрессивныхъ, благотѣльныхъ для всего человѣчества, шаговъ впередъ. Свѣтъ истины замѣнился вестернимымъ сумракомъ заблужденія, и, желая разсвѣять этотъ гнетущій мракъ, опять-таки помимо помощи вѣры и церкви, Франція напругла всѣ свои ослабѣвшія силы и сдѣлала еще одну антирелигіозную попытку, которою мы и предполагаемъ заняться въ слѣдующей главѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки